

ГРЯЗНОЕ

БЕЛЬЕ

КРЕМЛЯ

ЮРИЙ МУХИН

**Когда НАТО
будет бомбить
Россию?**

Блицкриг против Путина

«ЯУЗА-ПРЕСС»
МОСКВА
2014

УДК 94
ББК 63.3
М 92

Оформление *Г. Федотова*

Мухин, Юрий Игнатьевич.

М 92 Когда НАТО будет бомбить Россию? Блицкриг против Путина / Юрий Мухин. — Москва : Яуза-пресс, 2014. — 512 с. — («Грязное белье» Кремля).

ISBN 978-5-9955-0753-6

Путинская Россия гораздо более уязвима для вражеского блицкрига, чем Сталинский СССР! Нынешняя РФ скорее похожа на панскую Польшу, рухнувшую за две недели под ударами Вермахта. И Кремль сегодня ведет страну к повторению трагедии 1941 года!

Как скоро НАТО будет бомбить Москву, а бандеровские каратели начнут жечь российские города? Почему Кремль никогда не учится на уроках прошлого? Осознает ли Путин, что сам станет жертвой «молниеносной войны» (ведь успех блицкрига определяется не столько силой врага, сколько трусостью и предательством собственной «элиты»)? Понимает ли, что повторяет судьбу Милошевича?

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-9955-0753-6

© Мухин Ю., 2014
© ООО «Яуза-пресс», 2014

БЛИЦКРИГ: КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ?

**Разгадка
«молниеносной войны»**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальность

Болтовни о мире много, даже есть некая миротворческая организация — ООН, тем не менее войны не прекращаются и ведутся, надо сказать, довольно быстро, причем неравенство сил в этих войнах не объясняет их быстроты.

С другой стороны, поскольку нет недостатка в аналитиках и историках, объясняющих быстроту современных войн, зачем тогда еще и моя работа на эту тему? Но если вы присмотритесь, то увидите, что все историки до настоящего времени, объясняя, что такое молниеносная война, ограничиваются чисто военными и даже только полководческими аспектами, сводящимися к примитивным количественным выводам, к примеру, уверяя, что все дело в том, что у Германии было много танков и самолетов. Короче, если у вас много-много моторов, то и войну вы проведете молниеносно, поскольку молниеносная война — это «война моторов».

Начало такому объяснению положил, пожалуй, британский генерал, теоретик механизации войск и историк Джон Фуллер: *«Кампания показала (1940 года против Франции. — Ю. М.), что перед лицом атаки танковых и моторизованных сил линейная оборона устарела. Любая форма линейной обороны независимо от того, состояла ли она из долговременных сооружений или из поспешно возведенных полевых укреплений, какие неоднократно останавливали наступающего в Первую мировую войну, оказалась наихудшим видом обороны; когда танковые силы противника прорывали оборонительную полосу, защитники не могли сосредоточить свои войска для контратаки...»*

Далее, германо-польская война показала, что части прикрытия, в задачу которых входит наблюдать за противником и задерживать его, а не ввязываться в решительную схватку, должны обладать очень большой подвижностью, чтобы быть в состоянии быстро наступать и отступать». Казалось бы,

все правильно, «профессионально» и умно. Но ведь в 1940 году и у англо-французских союзников танков и самолетов было столько же, сколько и у Германии, почему же они молниеносно не выиграли войну у Германии? А в 1941 году у СССР этого железного добра было в разы больше, чем у Германии. И что толку было СССР от этого?

К. Клаузевиц, подробнее о котором ниже, писал: *«Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно»*. Честно говоря, я тоже так думал, но, читая современных историков и аналитиков, прихожу к мысли, что либо Клаузевиц сильно польстил современникам, либо в XIX веке людей со здравым умом было существенно больше, чем сегодня.

К примеру, собирая к книге материалы, скопировал длинную статью Алексея Исаева (популярного молодого российского историка) «Инструмент «блицкрига». Интригу первого абзаца осилил легко: *«Внушительные успехи танковых войск Германии в период «блицкригов» 1939–1942 годов уже много лет остаются одной из загадок Второй мировой войны. Целые государства рассыпались, словно карточные домики, под ударами танковых клиньев»*. Далее начал читать, вернее, продираяться сквозь:

«... Например, 1 мая 1940 г. в составе германской армии было 1077 Pz. I, 1092 Pz. II, 143 Pz. 35 (t), 238 Pz. 38 (t), 381 Pz. III, 290 Pz. IV и 244 вооруженных только макетами орудий и пулеметами командирских танков. Французская армия имела 1207 легких танков R-35, 695 легких танков H-35 и H-39, примерно по 200 танкеток AMC-35 и AMR-35, 90 легких FCM-36, 210 средних D1 и D2, 243 средних Сомуа S-35, 314 тяжелых V1 различных модификаций... Перед французской кампанией рота средних танков по штату от 21 февраля 1940 г. состояла из восьми танков Pz. IV, [364] шести Pz. II и одного командирского танка на шасси Pz. I. Штат K. StN. 11751 от 1 февраля 1941 года (1 KStN. (Kriegsstärkenachweisung) — штаты военного времени (нем.)) предусматривал в составе роты средних танков 14 танков Pz. IV и 5 Pz. II. Фактически во всех танковых дивизиях к началу «Барбароссы» отсутствовал 3-й взвод в роте, и она насчитывала 10 Pz. IV... Это позволяло перемещать взвод на пяти легких грузовиках Kfz. 70 (Krupp [377] «Protze» L2H143, Steyer 1500A, Horch-108, Horch-801, Mercedes-Benz L1500A) ... 14-я танковая дивизия состояла из трех танковых батальонов, которые на 20 июня 1942 года насчитывали: 14 танков Pz. II, 41 танк Pz. III с 50-мм короткоствольным орудием, 19 [380] танков Pz. III с 50-мм 60-ка-

либерным орудием, 20 танков Pz. IV с 24-калиберным 75-мм «окурком», 4 танка Pz. IV с 75-мм длинноствольным орудием и 4 командирских танка. 16-я танковая дивизия в начале второго сражения за Ростов 1 июля 1941 года насчитывала 13 танков Pz. II, 39 танков Pz. III с 50-мм короткоствольным орудием, 18 танков Pz. III с 50-мм 60-калиберным орудием, 15 танков Pz. IV с 24-калиберным 75-мм орудием, 12 танков Pz. IV с 43-калиберным 75-мм орудием и 3 командирских танка. На тот же день 1 июля 1942 года 22-я танковая дивизия (тогда еще двухбатальонная) насчитывала 28 танков Pz. II, 114 танков Pz. 38 (t), 12 танков Pz. III с 50-мм 60-калиберным орудием, 11 танков Pz. IV с 24-калиберным 75-мм орудием и 11 танков Pz. IV с 43-калиберным 75-мм орудием». М-да... Что поделаться — умным быть не запретишь!

Поэтому плюнул на текст и сразу перешел к выводам, которые Исаев сделал об «инструменте блицкрига». По его просвещенному этими Pz. 38 (t) и Pz. IV мнению, «инструмент блицкрига» таков:

«В 1934–1940 годах в Германии была создана весьма совершенная организационная структура танковых войск, позволявшая динамично проводить операции огромного масштаба и значимости. Моторизованные (танковые) корпуса вермахта, одним из которых командовал Э. фон Макензен, стали опорой «блицкрига». Поэтому в поисках причин успехов Германии в начальном периоде войны нужно обратить свой взгляд именно на них, а не на мифические и реальные недостатки собственной армии. В руках у противника был своего рода «меч-кладенец», симметричного ответа которому не удавалось найти довольно долго. Эквивалентом немецких танковых корпусов в СССР стали танковые армии, первое успешное выступление которых относится к периоду Сталинградской битвы. К осени 1943 года организационная структура танковых армий была окончательно сбалансирована, и они стали инструментом успешных наступательных операций Красной Армии 1943–1944 годов». Это все.

Оставлю в стороне то, что мой, сделанный в 2001 году, вывод об отличии танковых дивизий немцев от наших танковых корпусов в том, что в немецких дивизиях были подвижными не только танки и не столько танки, а все рода войск, Исаев теперь выдает за свое открытие без ссылок на меня. Но, правда, заменив русские общепринятые названия немецкой техники немецкими названиями. Видимо, чтобы дураки восхищались его, исаевской, «научностью». Дураки, наверное, и восхищаются, но я писал, что этим подвижным

комплексом родов войск немецкой дивизии создается всего лишь максимальная ударность этих соединений, необходимая для быстрого поиска слабых мест в обороне противника и быстрого прорыва его обороны. Исаев же, как видите, поднял организацию немецкой танковой дивизии на небывалую высоту, объявив ее не инструментом прорыва обороны, а инструментом всего блицкрига. По пониманию сути происходящего, такой вывод равнозначен выводу повара, что картошка — это и есть суп.

Ведь по Исаеву получается, что в войне молниеносно победит тот, кто:

- создаст танковые корпуса по аналогии с немецкими танковыми дивизиями;
- будет шесть лет вести войну;
- торжественно подпишет полную и безоговорочную капитуляцию.

Как хотите, но мне показалось, что этого маловато будет для понимания того, как и чем вести молниеносную войну.

Ведь если немцы даже с СССР, и даже «молниеносно», воевали (по самому же Исаеву) полтора года до Сталинградской битвы, так и не сумев добиться победы, и в результате вместе со своими танковыми дивизиями войну проиграли, то ведь очевидно, что молниеносность первых этапов Второй мировой войны определили не танковые дивизии и даже не немцы, а те страны, с которыми немцы молниеносно воевали. Определило то, что Исаев считает несущественным.

Методика

Вот поэтому я и взялся за эту работу. Ведь я, в точном смысле этого слова, не историк, я политик. Политик, изучающий историю не ради гонораров или праздного любопытства, а для того, чтобы сегодня использовать находки предшественников и не повторить их ошибки. И если я не разберусь с этим вопросом, то кто кроме меня?

А в чем разница?

Любое общественное явление или событие имеет сотни обстоятельств, описывающих и характеризующих это событие. Надо сказать, что в технике и науке исследовать легче, поскольку там факторов и параметров процесса существенно меньше, чем в общественной жизни. И когда исследователь делает тот или иной вывод по событию, то он

опирается на эти обстоятельства, как правило, уверяя, что опирается на все ему известные. Но, во-первых, важные обстоятельства не всегда заметны, а часто просто скрываются заинтересованными лицами. Во-вторых, обстоятельства не все равноценны и не все пригодны для постановки вывода.

И, наконец, исследователь общественной жизни — это не амперметр или микрометр, он сам является частицей этой жизни и оценивает ее не с объективной позиции, как бы он этого ни хотел, а с позиции своего знания жизни. А эти знания разительно отличаются, скажем, у московского историка, окончившего МГУ, никогда никем не руководившего в условиях обязательного исполнения дела подчиненными и сделавшего карьеру на тихой кафедре в каком-либо московском институте, и у председателя колхоза, обязанного ежедневно вывезти в город 20 тонн молока и руководящего полутысячей человек, очень «неинтеллигентных». Я не хочу сказать, что у этого историка знаний, как таковых, меньше, особенно книжных, но если речь пойдет об управлении людьми, то эти его знания не о том. Не о том, что нужно знать, чтобы исследовать в этой области. А явления общественной жизни — это сплошь исследования поступков людей, находившихся в системе управления. Тут выводы председателя колхоза будут надежнее.

Так вот, исходя из своего опыта, исследователи и выбирают обстоятельства для постановки вывода, и их разный опыт приведет к выбору разных обстоятельств и разным выводам. Образный пример. Вот парень женился на девушке, почему? Обстоятельств, по которым можно сделать вывод, десятки — тут и ее красота, и характер, и наличие богатого папы, и прочее, прочее. И один исследователь, исходя из своего опыта, сделает вывод, что парень женился потому, что у девушки богатый папа, а другой, исходя из своего опыта, сделает вывод, что он женился по любви. И оба будут основывать свои выводы на фактах порою одних и тех же, и оба будут правы (по-своему), а выводы будут разными. Эту проблему жизненного опыта исследователя хорошо передает ироническая сентенция: «Коммунисты считают Сталина коммунистом. Патриоты считают Сталина патриотом. Националисты считают Сталина националистом. Мерзавцы считают Сталина мерзавцем».

Вот, скажем, историк разбирает тактико-технические данные самолетов и подготовку летчиков. Это важно, из этого исследования может появиться любопытный вывод. Но для политика этот вывод третьестепенен. Почему? По-

тому, что у политика есть подчиненные, и ему важно, были ли у исторических личностей того времени возможности найти талантливых и трудолюбивых конструкторов и изготовителей самолета и были ли возможности подготовить умелых и храбрых летчиков? Политика не любопытство толкает на исследования, а вопрос, что сегодня делать, что-бы были такие самолеты и такие летчики?

Глава 1

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Растерянность политиков

У молниеносной войны есть феномен, который до сих пор обойден вниманием даже тех исследователей, которые начали заниматься ее молниеносностью сразу же после окончания Второй мировой войны — по свежим следам. Скажем, помянутый британский военный аналитик Д. Фуллер ни слова не написал об этом феномене в своей книге «Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор», вышедшей из печати еще в 1948 году.

Этот феномен — полная неожиданность подобного рода войны для всех ее участников и свидетелей.

Поясню эту мысль на примере ядерной войны. Ядерной войны в мире еще не было, но ведь случись ядерная война, ее начало, да, может быть внезапным, но сама по себе она не будет неожиданной — о ней знают с момента создания ядерного оружия и ее ждут, а само понятие такой войны и термин для нее уже готовы.

А вот термин «молниеносная война» (Blitzkrieg, «блицкриг») возник только после победы нацистской Германии над Польшей в 1939 году, и возник потому, что (с учетом общих сил вступивших в войну государств и численности их вооруженных сил) кратковременность этой войны была действительно феноменальной. Ранним утром 1 сентября 1939 года немецкий бронепоезд сделал первый выстрел в этой войне, а уже 17 сентября 1939 года правительство Польши и командование ее вооруженных сил сбежали из страны, так сказать, не попрощавшись ни с народом, ни с вооруженными силами. А ведь вооруженные силы Польши считались в Европе одними из самых сильных!

Причем, что в данном случае особенно интересно, сама эта молниеносность (быстрота) войны с Польшей оказалась неожиданной и для главных действующих лиц этой войны.

Пожалуй, наименее глупо выглядит правительство СССР, уже хотя бы потому, что Советскому Союзу отводилась роль нейтральной страны, и РККА незачем было готовиться к войне с Польшей. Однако Гитлер, боясь предстоящей войны, все же хотел втянуть СССР в конфликт с Польшей на своей стороне, и еще 29 августа Германия пригласила СССР тоже ввести войска в Польшу в сферу влияния СССР. Но правительство СССР отказалось, и отказалось на том основании, что Германия с Польшей еще могут заключить перемирие. То есть самым худшим сценарием развития событий для Польши СССР считал заключение ею сепаратного перемирия с Германией, а судя по тому, как он помогал Польше перед войной и в ее начале, Советский Союз был уверен, что Польша с союзниками Англией и Францией окажется победителями.

И лишь когда немцы проинформировали СССР, что румыны уже ждут у себя удирающих правительство и генералитет Польши, когда стало ясно, что польского государства уже нет, когда стало ясно, что немцам просто не с кем заключать перемирие, в Советском Союзе началось организационное движение. Только 9 сентября СССР спешно объявил мобилизацию и начал создавать два фронта для похода в Польшу. Для мобилизации СССР надо было 15 дней, то есть приказы на боевые действия создаваемым в спешном порядке фронтам должны были быть даны где-то к 24 сентября. А на самом деле советские соединения, не успев полностью отобилизоваться, уже 17 сентября вынуждены были входить на территорию бывшей Польши для защиты западных украинцев и белорусов от оккупации их немцами, — практически через неделю после начала мобилизации!

То есть у правительства СССР и мысли не было, что война может протекать так быстро и закончиться полным уничтожением Польши как государства, иначе СССР, чтобы успеть провести мобилизацию, объявил бы ее еще в августе.

Совершенно глупо выглядят союзники Польши.

Англия, объявив Германии войну 3 сентября, вообще не имела армии, способной высадиться на континенте, поскольку полагала, что успеет отобилизовать необходимые силы за время, пока агрессию немцев будут сдерживать поляки и французы.

Согласно франко- и англо-польскому договорам, Франция обязывалась в случае германской агрессии против Польши немедленно провести ряд наступательных операций с ограниченными целями против немецкого Западного фронта, и лишь после 15-го дня мобилизации, отмобилизовав армию, французы должны были организовать широкое наступление на Германию основными силами.

Англия и Франция объявили мобилизацию 1 сентября, а 3-го вступили в войну, и уже 5 сентября Франция, исполняя договоренность с Польшей, действительно провела частную наступательную операцию. Но представитель французской армии при польском Генштабе уже 10 сентября доложил в Париж, что в польской армии царит полнейший хаос, главное польское командование практически не имеет связи с войсками, практически не имеет никакой информации о продвижении немцев и положении собственных войск и что польская армия, собственно, уже разгромлена.

Правящие круги Англии и Франции (особенно Англии), так презрительно отказавшиеся от помощи СССР в войне с немцами потому, что верили в военную мощь Польши, оказались в положении идиотов. Идиотов, не способных оценить обстановку даже в такой переполненной «профессионалами» и «аналитиками» сфере, как война.

Со своей распиаренной гениальностью точно так же — глупо — выглядит и самый застенчивый участник Второй мировой войны — международное еврейство — сионисты. Решая свою внешнюю задачу — создание метрополии (государства Израиль), международное еврейство хотя и тайно, но опрометчиво выступило на стороне Гитлера, и лишь когда выяснилось безусловное поражение Германии в войне, переметнулось на сторону победителей. Создание метрополии международного еврейства отодвинулось на 1948 год и произошло с помощью победителей во Второй мировой.

Но что особенно поразительно, совершенно глупо выглядят герои и авторы молниеносной войны — немцы.

Немцы боялись войны и не были уверены не то что в ее молниеносном характере, а и вообще в собственной победе. Они высоко ценили свою армию и ее основу — пехоту, но из-за скорости формирования своих вооруженных сил не были уверены в их боевом духе уже в силу того, что война с Польшей была первой, а армия Германии еще не приобрела ни профессионального опыта, ни моральной уверенности. По мобилизации была сформирована 51-я немецкая диви-

зия, в которых кадрового состава было по 5%. И, в принципе, в этой оценке своей армии немцы не ошибались — их армия и показала свою слабость. Уже после победы над Польшей немецкий генерал фон Бок докладывал в Генштабе сухопутных войск свои впечатления от немецких войск: *«Той пехоты, которая была в 1914 году, мы даже приблизительно не имеем. У солдат нет наступательного порыва и не хватает инициативы. Все базируется на командном составе, а отсюда — потери в офицерах. Пулеметы на переднем крае молчат, так как пулеметчики боятся себя обнаружить»*.

Главнокомандующий сухопутными войсками Германии фельдмаршал Браухич также не был доволен войсками и спустя полтора месяца после победы над Польшей. 5 ноября он в присутствии Гитлера высказал свое суждение о них:

«1. Пехота показала себя в польской войне безразличной и лишенной боевого наступательного духа; ей не хватало именно боевой подготовки и владения наступательной тактикой, так же и ввиду недостаточного умения младших командиров.

2. Дисциплина, к сожалению, очень упала: в настоящее время царит такая же ситуация, как в 1917 г.; это проявилось в алкогольных эксцессах и в распущенном поведении при перебросках по железным дорогам, на вокзалах и т. п. У него имеются донесения об этом, в том числе и военных комендантов железнодорожных станций, а также ряд судебных дел с приговорами за тяжкие дисциплинарные проступки. Армия нуждается в интенсивном воспитательно-боевом обучении, прежде чем она сможет быть двинута против отдохнувшего и хорошо подготовленного противника на Западе».

И Гитлер, разумеется, слабость своей армии знал, поэтому, собрав боссов партии, министров и депутатов рейхстага за три дня до войны, 28 августа 1939 г., сообщил, что минимальные требования от Польши: *«Данциг, решение вопроса о коридоре»* — т. е. минимум, позволяющий начинающей войну Германии сохранить лицо в случае ее окончания вничью. А максимальные требования — *«в зависимости от складывающейся обстановки»*, т. е. от того, каковы будут успехи в боях. Но он закончил: *«Война очень тяжелая, возможно безнадежная. Но пока я жив, о капитуляции не будет и речи»*. Сами понимаете, начинать войну с мыслями о капитуляции не просто, тут о ее молниеносности уже не думают.

И 7 сентября, перебирая возможные варианты развития событий, Гитлер в случае, если поляки предложат немцам перемирие, сформировал требования Германии, которые